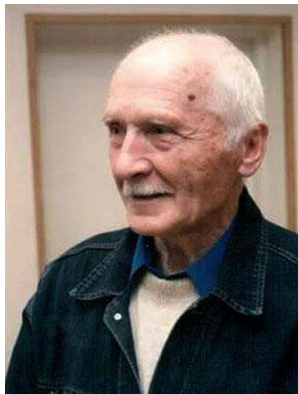

Ключников Юрий Михайлович – поэт, эссеист, философ, переводчик, путешественник, академик Петровской Академии наук и искусств. Родился в 1930 г. в городе Лебедин. Труженик тыла во время Великой Отечественной войны. С 1942 года живёт в Сибири.

Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем литературы, директором школы, журналистом в газете, радиокорреспондентом, а также главным редактором Новосибирского областного радио, Западно-Сибирской студии кинохроники, редактором издательства «Наука» СО РАН.

В 1979 году был обвинён в идеализме и богоискательстве и после трёхлетних партийных разбирательств уволен с работы, затем 6 лет трудился грузчиком на хлебзаводе. В годы перестройки стал издавать книги по духовной культуре Востока, Запада и России. Публиковался в центральных литературных журналах и изданиях.

Книги: «Дом и дым» (2013) «Душа моя, поднимем паруса» (2015), «Караван вечности. Сборник вольных переводов суфийской поэзии VII – XX веков» (2016); «Поднебесная хризантема. 30 веков китайской поэзии.»(2018) и др.

* * *

В деревянном старом доме
Мы ночуем на соломе,
В этом доме домовые
До утра в сенях стучат.
Что-то очень дорогое
И родное сердце ловит
Друг у друга в потонувших
В чёрном омуте очах.
Не спугнуть бы только словом,
Даже вздохом, даже думой

Из глубин души поднявшееся
Чистое тепло.
Много лет назад за Волгой
Или, может быть, под Тулой
Пролилось оно на сердце
И на дно его легло.
Мы его похоронили,
Нам казалось, и надолго
Заросло оно рубцами,
Да, видать, не до конца.
И теперь опять под Тулой
Или, может быть, за Волгой
Всколыхнула души память,
Растревожила сердца.
Нам бы утром да при солнце
Улыбнуться бы друг другу
И запомнить, и запомнить
Полуночные глаза.
До свидания, деревня,
До свиданья пятый угол,
Там, где теплится лампада
И темнеют образа.

* * *

В памяти застрял светло и немо
Ласковый осколок тишины –
Синее саратовское небо
Самых первых месяцев войны.
Есть ещё там зарева полночные,
Огненные прочерки навверх
И барак соседский развороченный,
Точно в ключья порванный конверт.

Паровозный дым густой и чёрный,
Долгий путь,
налёты,
крики,
рвы.

А за Волгой вылетают пчёлы
Не из туч,
Из листьев, из травы.
Тихие цветочные пожары,
Жаркой дымкой сломанная даль...
Ничего прекраснее, пожалуй,
Никогда на свете не видал.
Что ещё?

Покос июньский помню,
Дальних молний частые броски.
Почтальон привозит прямо в поле
Призывные серые листки.
Медленно уходят полудети
В полутьму
с медовой полосы.

Тишина.
Над нами солнце светит,
А над ними сполохи грозы.
Небом этим, степью,
удивленьем,
Красотой,
упавшей в сердце мне,
Я обязан маленькой деревне,
А выходит —
и большой войне.

С ними в грудь мою вошла Россия

Бабушкиной сказкой наяву
И косой тяжёлой,
Что косила
Только что подростую траву.

XX век

Памяти Н. С. Гумилёва

Я люблю этот век,
потому что он начат стихами,
карнавалами масок,
игрой коломбин и пьеро.
А ещё потому,
что срывал наши маски штыками,
что на кровь и на вес
измерял нашу суть и перо.
Я люблю этот век,
потому что ласкал нас свирепю,
и надежду таил
среди самых свирепых угроз.
А ещё потому,
что на прочность проверил в нас
Небо –
нашу верность Ему
и связующий с Вечностью трос.
Я люблю этот век
за его чёрно-белые страсти
потому, что размазал
по стенке все полутона.
А ещё потому.
что любое ничтожество власти
долго терпит, но быстро

смывает со стенок страна.

Я люблю этот век,
потому что в нём жизнь свою прожил
и не мог не влюбиться
в его восхитительный лик.

А ещё потому,
что был сыном его, не прохожим,
что родное болото
всегда обожает кулик.

Белуха

Когда расстанусь с плотной оболочкой,
Когда в бесплотный устремлюсь полёт
В бездонно-фиолетовый, полночный,
Луной посеребрённый небосвод,
Налюбовавшись звёздными мирами,
Я возвращусь однажды на заре,
Как блудный сын в новозаветной драме,
К тебе, всеутоляющей Горе.
Берели Белой светлая излука,
Кок-коля Малого немолчный звон и зов.
Белуха, несравненная Белуха,
Ты для меня – как первая любовь.
В душе моей впечатаны навеки
Снегов твоих целительный простор,
Лазурные улыбки аквилегий,
Зелёный мрамор кедров и озёр.
Я знаю, что и ты, как я, не вечна,
Когда-нибудь твои растают льды,
От всех твоих нарядов подвенечных
Останутся лишь светлые мечты.

Но никакой зигзаг судьбы случайный
Не разлучит нас с очагом Отца.
Живёт в нас ослепительная тайна,
Которой нет и не было конца.

Старинный вальс

Я не могу такое не лелеять –
С пластинки тёмной дедовских времен
Взлетает в небо белоснежный лебедь,
Кружит старинный вальс «Осенний сон».
В лесу прифронтовом и на болоте
Когда-то среди грохота войны
Нам грела сердце тихая мелодия,
Мелодия несдавшейся страны.
«Осенний сон» – старинный вальс военный
Звонит среди всеобщего вранья.
Как светлый зов России сокровенной,
Как вызов чёрным стаям воронья.
Светлеют человеческие лица,
Блестят ресницы увлажнённых глаз.
Взлетает в небо царственная птица –
Кружит «Осенний сон», старинный вальс.

* * *

В молодые дни торопишь жадно
наслаждений резвого коня.
А под старость путник безлошадный
только руки греешь у огня.
Ничего они не удержали.
Потому в свой предзакатный час
повторяешь древние печали,
сказанные многими до нас.

Срок приходит – всё уходит в зиму,
словно флоксы в прошлогодний тлен.
Остаётся лишь невыразимость
Божества в потоке перемен.
Как оно вселилось это чудо
в женщину, в цветок, в сиянье глаз?
И куда уходит из сосуда,
где свеча прекрасная зажглась?
Не дано нам ни поймать жар-птицу,
ни понять. И сколько ни грусти,
всё, чем вдох успеет насладиться,
с выдохом на волю отпусти.
Исподволь, свободно и случайно
в небесах кочуют облака,
а из сердца в сердце эта тайна –
женщины,
поэзии,
цветка.

Кувшинка

Как всплеск последний летнего тепла,
а может быть, как нежную ошибку,
судьба в мой пруд осенний занесла
случайно желтоглазую кувшинку.
Меня уже прихватывает лёд,
листва берёз в воде кружится палая,
заканчивают утки перелёт,
и вот она, как птица запоздалая.
Я камышами что-то ей шепчу,
зову на плёс, что издали синееет.
Она смеётся, наклонившись чуть:
– Я – выдумка твоя, я – Дульсинея.

– Но для чего тебе моя вода?
Зачем меня фантомами тревожить?
Что делать нам?
– Не знаю, никогда
об этом не задумывалась тоже.
Я глажу ей волной зелёный стан,
глазами провожаю птичью стаю,
грущу, что безнадёжно опоздал.
А может быть, мы оба опоздали...

Созвучие

Не плачу, не жалею, не зову,
мир уходящий всё равно вернётся,
ты снова упадёшь в его траву,
глотнёшь воды из милого колодца.
Но прав поэт, родная красота
в грядущей жизни поменяет лики.
Трава, зазеленеет, да не та,
мелькнут в воде совсем иные блики.
Есть в каждой нашей встрече древний зов
и тонкая печаль неузнаванья.
В нас это просыпается без слов,
всю суть твою пронзив до основанья,
когда, склоняясь к дорогим губам,
почуешь жар Божественного гнева
и то, что ты – обманутый Адам,
которого нашла в капусте Ева.
И приходя на землю каждый раз
из тишины, что спрятана за кадром,
соединяешь вечный праздник глаз
с есенинским прощаньем незакатным.